

Рыцарь в ожидании жертвы

Писатель Виктор Ерофеев в очередной раз стал возмутителем спокойствия. Русский мужик на работе много врал, а дома — много пил, оттого и выродился, — считает автор новой книги «Мужчины».

Каждое явление читателю писателя Виктора Ерофеева сопровождается гулом критики. Почти всем не нравились рассказы, опубликованные в «Метрополе» (1979) — неподцензурном литературном альманахе, за который его отец, видный советский дипломат, заплатил собственной карьерой. На франкфуртской книжной ярмарке-89 двенадцать зарубежных издательств чуть ли не дрались за рукописный вариант «Русской красавицы», которую впоследствии за рубежом отнесли к лучшим книгам десятилетия. Роман, переведенный на 27 языков мира, на родине встретили в штыки, сочтя порнографическим. Потом были «Жизнь с идиотом», «Страшный суд» и высоко оцененный интеллектуалами сборник эссе «В лабиринте проклятых вопросов», который из-за главы «Морфология русского народного секса» отказывалось публиковать уже в трехтомнике В.Ерофеева издательство «Молодая гвардия».

И вот в магазинах появилась новая книга Виктора Ерофеева.

— «Русский мужик был, русского мужик уже-еще нет, русский мужик снова может быть», — пишете вы. Если он был, то хотелось бы знать, когда?

— В книге образ мужчины двоятся: это универсальный тип, и тип исключительно русский. И надо признать, что тот и другой находятся в плачевном состоянии. Если говорить о первом — о цивилизованном мужике, то в главной роли ему отказывает широкое женское движение на Западе. Он выглядит потерянным.

— Значит, виноват феминизм?

— Не только. Западное общество стало максимально либеральным. Ушли агрессивные свойства, а мужчина без агрессии — это уже что-то неясное. И в США, и во Франции, и в Германии, и в Голландии, за исключением, быть может, Италии, где макизм (отношение к женщине с позиции силы) еще удерживается, я наблюдаю потерю самодентификации, то есть самого важного, что определяет человека: кем он есть в жизни.

Что же касается русского мужчины, то с ним ситуация более отчетливая и, увы, более драматическая. Поскольку русский мужчина — это прежде всего сословное явление, возникшее в просвещенном классе: сочетание чести, достоинства, образования, определенной доли эгоизма, самовластия, такой мужчина действительно был. Его сразу узнавали в Париже, французы поражались красотой белой гвардии. Как это ни парадоксально, такой цивилизованный тип можно было встретить в России вплоть до 60-х годов. Конечно, сталинизм многое и многих перемололо, но повадки долго сохранялись.

— Что вы имеете в виду под словом «повадки»?

— Общее представление о том, что и как полагается делать, как полагается жить. На грешке либерализации 60-х — вот исторический парадокс — и в управлении, и в среднем звене пришел «грядущий хаос», о котором предупреждал Мережковский. Просвещенный класс был срезан, следовательно, подпитку такой мутант получал от низших слоев.

С переменами в российском обществе, с серьезным изменением женской роли в мире и у нас я наблюдаю новое явление. Нельзя твердо сказать, каким будет «новый мужчина», — это пока что зародыш, который плавает в

некоем бульоне. И моя книга как раз попытка его предугадать.

— Одну из глав вы писали, беря за основу известный анекдот о двух киллерах, ожидающих жертву. Несчастный не появляется. Тогда один говорит другому: «Может, случилось что-нибудь?». Размышляя о герое новейшего времени — бандите, творящем на наших глазах свой кодекс чести, вы заканчиваете повествование отнюдь не оптимистически: «Два рыцаря стоят в подъезде, ждут клиента». А у меня, признаюсь, есть слабая надежда на детей, таких, с позволения сказать, героев. Получив приличное образование за рубежом и вернувшись в Россию, вряд ли они пойдут по папиным стопам...

— Тут следует высказаться подробнее... Странно, что о моральном кризисе мало писали и почти не пишут теперь. Все беды якобы в экономике. А как назвать состояние этической жизни нашей нации? У нас начисто погибла христианская этика, которая даже при серьезном отношении государства российского к религии до октября 17-го была достаточно освоена человеком. И при всем моем сдержанном отношении к Белинскому должен заметить, что в споре Белинского с Гоголем неистовый Виссарион оказался прав. Добавлю, что Бердяев, Булгаков, Розанов, также рассчитывавшие на мужика-богослова, после октябрьского переворота отказались от прежних убеждений.

Что же остается? Гражданский кодекс? Но у нас он работает просто скверно. Ворья много, потому что в народе все еще живо снисходительное отношение к воровству. Не украдешь — не проживешь.

А когда я работал над эссе о морфологии русской эротической сказки, то пришел в ужас. Оказывается, наш народ с яростным юмором относится к агрессии в эротике. Попы насилуют, отец, получая дочь, использует прямо-таки садистские приемы. Смешно?

Если же говорить о политической культуре советской эпохи, то достаточно вспомнить, как поощрялось доноительство. Вот мы и пришли к 1985 году морально опустошенные, не готовые противостоять криминальной ситуации и ее этической культуре: жить по бандитским понятиям. Между тем у этой культуры есть одно достоинство: она не врет. Но для того, чтобы она трансформировалась в новую национальную этику, лишенную уголовного содержания, должно пройти очень много времени. А пока рыцари ожидают жертву.

Я так же, как и вы, надеюсь: дети бандитов, отучившись в Гарварде, не пойдут по родительским стопам. Чем престижнее выбирается учебное заведение на Западе, тем большим ударом станет возвращение на родину. И для папеныки, от которого чадо придет в ужас, и для самих повзрослевших детей. Потому что работать по-западному, даже унаследовав папин бизнес и деньги, в России сразу не получится. Их начнет корешить. В принципе таким детям уготована тяжелая судьба людей раздвоенных. Этот путь — порождение мужчины через учебу за границей — особо хороших результатов России никогда не давал. Потому что страна от нововведений разрывалась. Однако, с моей точки зрения, лучше разрыв и мучения, чем одноликое хамство, победившее у нас всех и вся.

— Из вашей книги следует, что именно женщина остановила «на скаку» безумного, неизвестно куда летящего мужчину. Она спасла его, свою семью и любовь. Вместе с тем народная мудрость, на которую вы щедро ссылаетесь, гласит: курица не птица, баба не человек. Не слишком ли много противоречий?

— Эта книга призвана рождать противоречия. Между прочим, судьбу русской женщины мы вправе также сравнить с разрывной пулей. Она желала любви и счастья, хотела (вот формула, очень работающая в России), чтобы все было, как у людей. Стремилась купить мебель в дом, следила за сыном, чтобы учился, а не курил прямо с первого класса. Женщина не была безукоризненной, но она буквально дралась за счастье и находила его в семье, материнстве, эротике. Поэтому, с моей точки зрения, русская женщина по уничтожению советской власти сделала гораздо больше, чем академик Сахаров и все диссидентское движение, вместе взятое. И «Русская красавица» дала фиксацию этого феномена.

У русского мужик наблюдались полный паралич воли. Его и мужчиной мы не вправе называть, скорее, русский мутант мужского пола. Он никогда не знал, что хочет. Он задумывался о национальном самосознании русского народа, и у него все запутывалось. Он размышлял о карьере и не мог разобраться в себе. Если говорить упрощенно, то водитель грузовика хотел стать водителем такси и наоборот. Ни тот, ни другой не были удовлетворены жизнью. К тому же он на работе много врал, а дома — много пил.

Такое соединение привело к окончательному распаду личности, который в разных слоях отзывался по-разному. Например, феномен, нигде до сих пор не проанализированный, — самовозгорание лесбийского движения среди московских девушек на рубеже 70—80-х годов. Это было явление отнюдь не биологического толка. Мутант не вызывал желания воспринимать его всерьез. Он стал смешон настолько, что от хохота женщины могли упасть друг к другу в постель.

— В вашем эссе есть и мужчины, которые представляют интеллектуальную элиту нашего общества. Но вы, мягко говоря, не самый милосердный автор. Хорошего детского писателя, душу любой компании, удивительно порядочного человека вы называете «московским плейбоем» и все сводите к непростым отношениям, существовавшим между вами.

— Глава «Смерть писателя К» уже вызвала бурную реакцию. Недавно меня встретил Битов и обиженно спросил: «Как можно так писать о человеке, который недавно умер?». Что значит — так? Я писал откровенно. У нас бытуют странные понятия об этике: если пишешь все, значит, продаешь человека. Между мной и Юрием Ковалем были непростые далекие отношения, но — отношения. И я, шокированный фактом его ранней смерти, хотел показать драму времени и человека, который идет против контекста культуры. Контекст культуры — это партнер художника по жизни. Если вы его не чувствуете, не произойдет игры. Я не знаю, понимал ли он, что этот контекст изменился, но Юра пошел против него... Видимо, его раздражало, что он талантливый писатель, делает хорошее, доб-

Виктор Ерофеев с любимой скульптурой, символом энергии — эротической и творческой. Фото Виктора АХЛОМОВА.

рое дело и не может выдвинуться в последние годы. Тогда как часть поколения литераторов, к которому принадлежу я, состоялась на теме внутреннего зла. С открытием шлюзов в отечественной культуре она стала доминирующей. И я убежден, что без определения внутреннего зла невозможно понять творческую красоту того же Ковалю.

— Вы, будучи первокурсником МГУ, стали свидетелем разговора писателей, которых позднее назовут ключевыми фигурами современной литературы. Об этом лучше, на мой взгляд, эссе «Как свежи были розы». В тот вечер в доме Евтушенко вы познакомились с Аксеновым и Бродским. Меня поразила фраза Аксенова, сказанная им уже в эмиграции: «Нью-Йорк — это город Бродских». На этой блестящей метафоре можно построить роман.

— Общение писателей иногда принимает закодированный, знаковый характер. Литератор может обронить фразу и не расшифровать ее.

— Вы все-таки их «уели», заметив, как плохо все трое знали в то время английский...

— Это дефект шестидесятиков. Ночь, когда я увидел своих кумиров, можно было бы дописать, но тогда потерялась бы энергетика жанра. Я подумал, когда работал над рукописью, что шестидесятничество — это неумение стареть и неумение обращаться с культурой.

— Тем не менее вы отдаете им должное.

— Несмотря на 15-летнюю разницу в возрасте, меня с Аксеновым долгие годы связывала

очень близкая дружба. Мы были двое, которые задумали и сделали «Метрополь». И даже кагэбэшники в Союзе писателей распространяли слухи, будто мы два гомосексуалиста и затеяли литературный альманах, чтобы доказать свою любовь. Аксенов оказался, пожалуй, единственным писателем, который меня как прозаика сильно поддержал. И я ему благодарен.

А если я говорю о наших близких отношениях в прошедшем времени, то в основном потому, что живем мы в разных концах света и редко видимся. А кроме того, история «Метрополя» — это не только история героического содружества, но и внутренних расхождений. До сих пор у меня остались невыясненные отношения с Андреем Битовым.

— По «Метрополю» или по жизни?

— По «Метрополю». Это была яростная минута, кипящее масло, когда можно было увидеть, что почем. «Метрополь» — это мои горьковские университеты. А в плане честности, мне «Метрополь» ничего не дал, кроме того, что я получил по морде: большому числу друзей не понравились мои рассказы, опубликованные в «Метрополе», началась многолетняя постоянная слежка (в КГБ у меня была кличка Воланд), меня выгнали из Союза писателей и не печатали, папа потерял работу. Мне же хотелось расширить литературное пространство подобно художникам, которые устроили бульдозерную выставку в 1974-м. Они взбунтовались и что-то сдвинули.

— Вы заканчиваете книгу «Мужчины» главой об отце. Те-

перь ему 77 лет, и вы им явно гордитесь. Хорошо известно, что он заплатил собственную карьерой за вольнодумство сына. Скажите, когда-нибудь он вас упрекнул за немалую цену одной публикации?

— Нет. Папа оказался героической личностью и порядочным человеком. Из Вены ранней весной 1979-го его вызвал тогдашний министр иностранных дел СССР Громыко. Я в последний раз подъехал на служебной «Волге» к трапу самолета (папа был послан СССР при международных организациях), поднялся в салон первого класса, чтобы передать ему меховую шапку. Он сказал: «На этот раз я приехал из-за тебя».

На следующий день его вызвали в ЦК, КГБ, в Союз писателей. В МИД секретарь парткома предложил ему отречься от сына. В КГБ показали толстую папку с записями моих телефонных бесед. В ЦК ему рекомендовали, чтобы я написал покаянное письмо в «Литературку» и отказался от составительства альманаха. Папа внимательно изучил ситуацию и понял, что идет лицемерная игра. Как-то, придя с работы, он сказал: «В нашей семье есть один политический труп. Это я. Но если ты напишешь письмо — в семье будет два политических трупа». Он не корил меня, он вел себя как мужчина.

Мой западный издатель очень заинтересовался этим эссе и предложил написать книгу об отце, который с очень молодых лет был приближен к сильным мира сего, много видел и знал. Я согласился.

Наталья СЕЛИВАНОВА.